

UDC 94(47).083

Teachers' Corporation of the Russian Universities in the First World War: Features of Everyday Life and Interrelations

¹ Mikhail V. Gribivskiy

² Alexander N. Sorokin

¹ National Research Tomsk State University, Russian Federation

PhD (History), Associate Professor

634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36

E-mail: mgrib@mail2000.ru

² National Research Tomsk State University, National Research Tomsk Polytechnic University, Russian Federation

PhD (History), Associate Professor

634050, Tomsk, Lenin Avenue, 36

E-mail: salexhist@mail2000.ru

Abstract. The paper discloses the problem of interrelations in Russian university teachers' corporation in the First World War, considers the reaction to the beginning of the war, features of material status of professors and teachers of Russian universities in pre-revolutionary period.

Keywords: the First World War; universities; professors and teachers' corps; social and politic sentiments; charity; evacuation.

Введение. Феномен человека и корпоративных сообществ в условиях войны привлекает внимание историков и антропологов потому, что обращение к нему позволяет увидеть то, как действовали наши предки и общественные институты в нетипичных, чрезвычайных, пограничных обстоятельствах. Представители университетского преподавательского корпуса в 1914 г. вступили в непростой период своей истории, связанный с переоценкой ценностей, некоторыми изменениями профессиональной деятельности, ухудшением материально-бытового положения. В статье предпринимается попытка реконструировать жизнедеятельность университетского преподавательского сообщества в условиях перемен 1914 г. – накануне еще более масштабных перемен 1917 г.

Материалы и методы. Источниковая база исследования сложилась из архивных документов, извлеченных из Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного исторического архива Украины (ЦГИАУ), Центрального государственного исторического архива Москвы (ЦГИАМ), Государственного архива Одесской области (ГАОО). В фондах университетов, попечителей учебных округов, Министерства народного просвещения (МНП) сосредоточены разнообразные документы (отчеты, официальная переписка, частные письма), проливающие свет на исследуемую проблему. Значительную ценность для изучения истории эвакуации Варшавского университета представляют воспоминания профессора И.А. Малиновского. В исследовании использованы и опубликованные источники, такие как законодательные акты, ежегодные Отчеты и Известия университетов, периодическая печать (Ежегодник газеты «Речь», «Новое Время»).

Исследование выполнено в русле такого направления, как социальная история. В методологическом отношении авторов интересовали отдельные казусы как отражения типичных обстоятельств университетской жизни. В работе использован сравнительно-исторический метод, историко-социологический анализ.

Обсуждение. Вплоть до конца XX в. проблема университетов и университетских сообществ в годы Первой мировой войны поднималась в только в трудах по истории высших учебных заведений. Первым исследователем, который предпринял удачную попытку обобщить разрозненный материал и ввести в научный оборот ранее неизвестные архивные источники, был А.Е. Иванов. Он опубликовал в 1999 г. фундаментальную статью, посвященную «гражданской психологии и патриотической деятельности» представителей российской вузовской и академической науки в военное время [1]. Тему влияния войны на общественно-политические настроения преподавателей развивают немецкая исследовательница Труде Маурер [2] и – на материалах Петроградского университета – Е.А. Ростовцев [3], [4]. Другим направлением исследований (Э. Фукс, А.Н. Дмитриев) стала тема влияния войны на научный процесс и научные связи [5]. Кроме этого интерес представляют локальные исследования отражения войны в истории отдельных университетов [6], [7], [8]. Из обобщающих работ последнего времени необходимо отметить статью выше упомянутого А.Е. Иванова [9].

Результаты. Накануне Первой мировой войны российская университетская преподавательская корпорация была весьма отчетливо разделена по общественно-политическим пристрастиям на «левых» и «правых». Для иллюстрации приведем фрагмент письма одесского профессора Б.В. Варнеке от 1 января 1914 г.: «В Новороссийском университете год тому назад выбрали Ректором профессора Кишенского, крайне правого, но очень глупого человека. Проводили его левые. Наши радовались, видя в этом симптомы примирения; я смотрел иначе и оказался, увы, прав. Он сразу переменял фронт и попал в руки к левым, уже провел двух левых в деканы [...]» [10]. О подобном расколе совета говорят и источники по истории Юрьевского университета. И.о. ректора М.Н. Крашенинников писал в том же 1914 г. попечителю Рижского учебного округа по поводу избрания К.Д. Покровского проректором университета: «Профессор Покровский, как член совета, всегда голосовал вместе с левыми против правых, и я не помню ни одного случая, когда он голосовал бы вместе с правыми против левых [...]. Сам факт избрания его Советом на должность проректора служит наглядным доказательством принадлежности его к партии левых» [11, л. 51]. Подобная картина внутреннего раскола наблюдалась и в прочих университетах [7], [12]. Помимо идейных разногласий, университетскую корпорацию разобщали трения между «старшими» (штатные профессора) и «младшими» (внештатные приват-доценты) преподавателями [13], [14].

Вступление России в Первую мировую войну временно консолидировало российское общества перед лицом общего врага. В исследовательской литературе уже отмечалось, что в университетской преподавательской корпорации в 1914–1915 гг. наблюдалось примирение разных лагерей [1], [3].

В 1914 г. война пришла на страницы университетских ежегодных отчетов. Так, в Отчет столичного Петроградского университета за 1914 г. был включен специальный раздел «Отношение университета к настоящей войне», в котором сообщалось о верноподданейшем адресе Николаю II, принятом единогласно всеми членами Совета; о решении отчислять часть жалования сотрудников университета на нужды войны; о создании в университете мобилизационного пункта и открытии лазаретов; об уходе на фронт студентов в качестве добровольцев; о патриотических манифестациях [15, с. 90–93]. Отчет самого молодого, Саратовского, университета за 1914 г. содержал перечень дел, рассматривавшихся в течение года Советом; среди них значились такие, как «О выражении сожаления по поводу разрушения Лувенского университета германской армией», «О присоединении к протесту, выраженному медицинским факультетом Московского университета по поводу жестокого обращения с больными нашими соотечественниками со стороны врачей Германии» [16].

Временное утихание внутренних споров между представителями различных идейных течений внутри преподавательской корпорации следовало из того обстоятельства, что большая часть профессуры симпатизировала кадетской партии, которая в начале войны призвала «отложить ... внутренние споры», «не дать врагу ни малейшего повода надеяться на разделявшие нас разногласия» [17].

«Немецкий вопрос». Войны часто сопровождаются ростом в обществе ксенофобских настроений, направленных против представителей народов стран-противников. В годы Первой мировой войны по России прокатилась антинемецкая кампания, вылившаяся в выступления против профессоров и преподавателей немецкого происхождения. Отметим выступления студентов Петроградского университета против профессора В.Ф. фон Зелера в октябре 1914 г. Вернувшись из Германии (где он находился в каникулярное время) в Россию профессор встретил озлобленное по отношению к себе настроение студенческой аудитории. Этот настрой был вызван слухами о том, что Зелер имеет германское подданство. Часть студентов освистала своего профессора, выкрикивая при этом: «Долой немецкого подданного, долой прусаков» [11, л. 14–15 об.]. Аналогичная ситуация произошла с заслуженным ординарным профессором Университета Св. Владимира Ф.И. Кнауэром, вернувшимся, как и фон Зелер, осенью 1914 г. из Германии по месту службы в Россию. Особое ожесточение против профессора Кнауэра вызвало то, что незадолго до начала войны он добился перехода своих сыновей в Германское подданство и вывез их на проживание к матери в г. Йену. В донесении в МНП попечитель Киевского учебного округа писал: «Большинство профессоров сторонилось от него, многие из них перестали подавать ему руки, а проф[ессор] С.Т. Голубев даже открыто выступил против него в заседании историко-филологического факультета с обвинениями в измене и с требованиями его удаления» [11, л. 22]. Ф.И. Кнауэр под давлением [18] попечителя учебного округа П.Э. Соколовского (кстати, также немца по происхождению) был вынужден подать 24 ноября 1914 г. рапорт о временном освобождении его от службы по болезни, который был удовлетворен уже 25 ноября [11, л. 29]. Ф.И. Кнауэр был арестован и сослан в Томскую губернию. Позднее его перевели в Томск, где скоро скончался [11, л. 46].

Профессорская благотворительность. Впрочем, война вызвала в преподавательской среде и положительные инициативы. На волне патриотического подъема в профессорско-преподавательской коллегии университетов наблюдался благотворительный порыв, причем, для представителей корпорации благотворительная деятельность не была чужда и ранее [19]. Однако в сравнении с довоенным временем, благотворительные акции 1914 г. отличались завидной массовостью. 4 августа 1914 г. состоялось заседание Совета Саратовского университета, на котором было решено отчислять ежемесячно 3 % профессорского содержания в фонд военной помощи [20, с. 131–132]. 20 августа 1914 г. Совет Харьковского университета решил отчислять 3 % от содержания профессоров «на нужды войны» [21, с. 5]. 1 сентября 1914 г. Петроградский университет принял решение об отчислении

профессорской коллегией и служащими 3 % жалования в пользу лазарета высших учебных заведений [15, с. 91–93], [22, с. 5.]. Совет Московского университета еще 25 июля 1914 г. решил открыть клинику для раненых и больных воинов, обеспечение лечения которых брали на себя приват-доценты медицинского факультета [23]. В стенах университетов проводились многочисленные «кружковые сборы» в пользу солдат и беженцев и раненых [24, л. 12.]. Профессор Петроградского университета М.И. Ростовцев входил в комитет «Петроград – беженцам», который организовывал сборы в их пользу [19, с. 108]. Многие преподаватели медицинских факультетов оказывали помощь фронту своей профессиональной деятельностью, работая безвозмездно в сознанных при университетах лазаретах или в учреждениях Красного креста. Так, декан медицинского факультета Новороссийского университета профессор С.С. Груздев и приват-доцент этого же факультета П.Г. Часовников с 1915 г. в каникулярное время работали в Красном кресте, выезжая на театр военных действий [24, л. 2 об., 8].

Университетские преподаватели находили возможность заниматься благотворительностью на фоне серьезных жизненных испытаний, вызванных военным временем. Сложнее всего – из-за непосредственного соприкосновения с войной – пришлось преподавательскому корпусу тех университетов, которые располагались недалеко от западных границ России. Составить представление о жизни преподавателей в 1914–1915 гг. вблизи линии фронта можно по воспоминаниям профессора И.А. Малиновского, переведенного незадолго до войны из Томского в Варшавский университет. Бытовые условия в Варшаве в первые месяцы войны были вполне удовлетворительными. И.А. Малиновский вспоминал: «Я очень редко обедал в столовых или ресторанах [...]. Предпочитал обходиться своими средствами. Выходило и сытно и вкусно. Приготовлял яичницу с ветчиной, сосиски с картофелью и сметаной, вермишель с творогом и маслом, отваривал горошек и ел с маслом, жарил малороссийскую колбасу. Это было первое блюдо. На второе – простокваша с сахаром и корицей. На третье – кофе или чай с пирожными. В кондитерской на углу Маршалковской и Кошиковой коробка маленьких пирожных (около 20 штук) стоила 15 коп[еек]» [25, л. 113–114]. Между тем, военное положение давало о себе знать: «в течение целого учебного года фронт был в 30–35 верстах от Варшавы; когда затихал городской шум, слышна была издали канонада; над городом летали немецкие «таубе»; в них стреляли шрапнелью; один раз сделал полет «цешелин»; бомба упала на одной из центральных улиц; дело было ночью и никто из людей не пострадал; но во всех громадных 5-ти и 6-ти этажных домах целого квартала были разбиты все стекла, скрючились вывески на магазинах [...]» [25, л. 115]. В середине лета 1915 г. ситуация на фронте изменилась в худшую сторону, и город был сдан. Профессор И.А. Малиновский, находившийся в каникулярное время с семьей в Остроге (Ровенская губерния), лишился своего варшавского имущества («На произвол судьбы осталась наша квартира: мебель, вся обстановка, посуда, сундук с меховыми вещами, платье, ковры, все столовое белье, библиотека [...], фотографии, письма, некоторые мои рукописи и т.д.» [25, л. 116]). В августе в Москве прошло экстренное заседание Совета для обсуждения вопроса о дальнейшей судьбе Варшавского университета. На заседании обсуждались варианты эвакуации университета в Саратов, Нижний Новгород и Ростов-на-Дону. Было принято предложение Ростовского городского управления, которое обещало бесплатно предоставить университету на первое время необходимые помещения, ассигновать сумму на расходы, связанные с устройством Университета на новом месте, выделить один миллион рублей на постройку новых университетских зданий. Об устройстве на новом месте И.А. Малиновский вспоминал так: «Отыскали [...] квартиру в доме Асланова по Пушкинской улице [...]. Квартира великолепная во всех отношениях: [...] в центре города, очень близко от университета [...]; центральное отопление, электричество, водопровод; первый этаж; шесть комнат» [25, л. 117]. Семье И.А. Малиновского повезло: «Скоро наступил квартирный кризис, и трудно было найти не только хорошую, но и плохенькую квартиру [...]». Колли (имеется в виду семья профессора-физика А.Р. Колли – авт.) обзаводились обстановкой годом позже нас и уже за все платили вдвое и втрое» [25, л. 117].

Эвакуация вглубь империи из-за угрозы оккупации затронула четыре университета. Первыми – осенью 1915 г. – были эвакуированы Варшавский университет и Университет Святого Владимира. Преподаватели, студенты и оборудование из Варшавы, как уже было отмечено, были перемещены в Ростов-на-Дону, а университет из Киева принял Саратов, куда к началу октября перебрались более 60 преподавателей (осенью 1916 г. университет вернулся в Киев). Частично условиями военного времени было вызвано открытие в Перми 1916 г. отделения Петроградского университета (оно задумывалось как база на случай возможной эвакуации университета Петроградского университета), преподавательский состав которого преимущественно сформировался за счет головного вуза. Дольше всего решался вопрос об эвакуации Юрьевского университета, так как линия фронта менялась, и угроза потери Прибалтики то делалась реальной, то отступала. Переезд университета в Воронеж произошел уже в 1918 г. [26].

В военное время материально-бытовое положение членов университетской преподавательской корпорации ухудшалось. Среди университетских преподавателей наблюдалось совсем немного обладателей крупных состояний. По подсчетам А.Е. Иванова накануне революции лишь 12,6 % штатных преподавателей университетов обладали земельной собственностью и домами [27]. Для большинства профессоров основным источником благосостояния являлось жалование, получаемое по линии МНП, а так же доходы от иной профессиональной деятельности. Большую

часть рассматриваемого периода фиксированное жалование профессоров и преподавателей российских университетов составляло от 1000 (лектор), до 3000 рублей (ординарный профессор) в год. Профессора и преподаватели Томского и Варшавского университетов пользовались льготами, увеличивающими их жалование на 20–50 % [28], [29]. Доходы профессоров и преподавателей пополнялись и за счет «гонорарной системы». Суммируя постоянные (оклад) и вероятные (доплата за административную должность, гонорар, региональные прибавки, орденские пенсии) доходы, получаемые профессорами и преподавателями, можно сделать вывод о большом разбросе итоговых цифр: от сумм, едва превышающих 1000 рублей в год у доцентов и до 7000–8000 у профессорско-юристов столичных университетов [30]. Этих заработков могло хватать на содержание преподавательских семей еще в начале XX в., однако мировая война довольно быстро обесценила царский рубль. Представление о материальном положении, в котором оказались младшие преподаватели, дает письмо, написанное матерью одного из приват-доцентов Московского университета министру народного просвещения летом 1916 г. Женщина описывала ситуацию, сложившуюся с ее сыном, который ранее был командирован МНП за границу для работы над диссертацией: «Побыв там 1½ года, он был застигнут в Германии войной, принужден был бежать, при чем потерял все свое имущество: книг на 500 р[ублей], весь багаж, даже ручной и билеты на проезд. На возвращение употребил 18 дней, истратив 350 р[ублей]. По приезде в Россию стипендия от Министерства была прекращена, но несмотря на свое трудное материальное положение, он продолжил заниматься окончанием диссертации, читая вместе с тем лекции в университете безо всякого определенного вознаграждения, так как лекции его считались необязательными. Со слушателей получал 22 р[ублей] за полугодие» [31, л. 131–132].

В связи с упоминанием московского приват-доцента, вынужденного бежать из Германии в 1914 г., стоит отметить факты попадания представителей преподавательской корпорации в плен в начале войны. Так, профессор Саратовского университета Б.И. Бируков оказался летом 1914 г. в плену в Германии, где он на протяжении ряда предшествовавших лет занимался зоологическими исследованиями. Лишь в конце сентября 1914 г. профессор Бируков сумел вернуться в Саратов [8, с. 9].

В условиях заметного удорожания жизни российские власти пошли на повышение преподавательского жалования. В декабре 1915 г. министр П.Н. Игнатьев разослал письмо, в котором просил ректоров университетов «в виду общей дороговизны, вызванной исключительными обстоятельствами военного времени» представить соображения о размере «пособий, которые могли бы быть выданы одновременно лицам преподавательского персонала» [31, л. 5–5 об.]. Совет Харьковского университета в качестве минимальной необходимой доплаты к ежегодному жалованию называли сумму в 2000 рублей [31, л. 19–19 об.]. Первые реальные доплаты последовали только весной 1916 г. Тогда лицам, получающим содержание по службе в размере не выше 2400 рублей в год, была установлена процентная добавка к содержанию «по случаю вызванного войной вздорожания жизни». В зависимости от места службы и размера жалования она составила от 12,5 до 30 %. Летом 1916 г. были, наконец, увеличены штатные оклады профессоров и преподавателей. Согласно закону «О временном улучшении материального положения профессоров Императорских Российских университетов...» новые оклады выглядели следующим образом: ординарный профессор – 4500 рублей, экстраординарный профессор – 3000 рублей, доцент (в Варшавском и Юрьевском университетах) – 2400 рублей, лектор – 1500 рублей [32]. Впрочем, сделанные повышения едва ли могли покрыть все расходы, которые неизменно росли вследствие инфляции.

Заключение. Начало Первой мировой войны привело к всплеску вполне искренних патриотических чувств среди университетских профессоров и преподавателей, что на время объединило вчерашних политических противников. Всплеск патриотизма провоцировал как положительные начинания (благотворительность), так и не вполне конструктивные, но объяснимые явления (антинемецкие настроения). Впрочем, названные явления в большей степени были характерны для первого года войны. Военные поражения России 1915–1916 гг., внутривнутриполитические процессы, недостаточность содержания, материально-бытовые сложности формировали критицизм по отношению к властям в преподавательской среде, которая будет приветствовать Февральскую революцию, прошедшую под антивоенными лозунгами.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ / Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

Примечания:

1. Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108–127.
2. Maurer T. Der Krieg der Professoren: Russische Antworten auf den deutschen Aufruf “An die Kulturwelt” // Jahrbuch für Wirtschafts Geschichte. 2004. № 1. S. 221–247; Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer: Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von T. Maurer. Stuttgart, 2006.
3. Ростовцев Е.А. Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2009. Вып. 29. С. 308–324.

4. Ростовцев Е.А. Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны) // Уроки истории – уроки историка Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса. СПб., 2012. С. 308–315.
5. Фукс Э. Влияние войны на международные научные связи // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С. 94–113; Дмитриев А.Н. Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб, 2007. С. 236–255.
6. Ростовцев Е.А. Мобилизация интеллекта: оборона страны или наступление корпорации? (Преподавательское сообщество Петроградского университета в годы Первой мировой войны) // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. М.; СПб., 2007. С. 191–194; Ростовцев Е.А. Университетская корпорация столицы Российской империи в годы Первой мировой войны // Отечественная история: Сб. ст. СПб., 2007. С. 72–117; Михальченко С.И. Варшавский университет в годы Первой мировой и Гражданской войн // Homo belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII–XX вв. Н. Новгород, 2000. С.244–245.
7. Ростовцев Е.А. Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX вв. М., 2009. С. 139–156.
8. Мраморнов А.И. Саратовский Императорский университет в годы Первой мировой войны (1914–1917 годы) // Известия Саратовского унив. 2009. Т. 9. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 8–12.
9. Иванов А.Е. Отклики Первой мировой войны в высшей школе Российской Империи // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С. 207–220.
10. ЦГИАУ. Ф. 385. Оп. 2. Д. 26. Л. 61.
11. РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 501. Л. 51
12. Бушуева Л.А. Профессорская корпорация Казани в эпоху перемен: межличностные коммуникации университетских людей (начало XX века) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 248–266.
13. Дмитриев А.Н. Статусы знания (о социальных маркерах эволюции российского университета первой трети XX века) // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122).
14. Грибовский М.В. Феномен приват-доцентуры в российских университетах конца XIX – начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «История и политические науки». 2012. № 2. С. 103–108.
15. Отчет о состоянии и деятельности Петроградского университета за 1914 г. Пг., 1915.
16. Отчет о состоянии и деятельности Императорского Николаевского университета за 1914 год. Саратов, 1915. С. 17.
17. Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. Пг., 1915. С. 242.
18. ЦГИАУ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 3318. Л. 6 об.
19. Ростовцев Е.А. Столичная профессура и благотворительность в начале XX в.: постановка проблемы // Вестник Омского университета. 2012. №. 1. С. 106–111.
20. Известия Императорского Николаевского университета. 1915. Вып. 3.
21. Отчет о состоянии лазарета Имп. Харьковского унив. для раненых воинов со дня его открытия 16 окт. 1914 по 1-е янв. 1915. [Харьков], 1915.
22. Новое Время. 6 авг. 1914 г.
23. ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 92. Д. 746. Л. 9.
24. ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 651. Л. 12.
25. Малиновский И.А. Воспоминания. Машинопись. Б. г. // Музей истории Томского государственного университета. Ф. И.А. Малиновский.
26. Карпачев М. Перемещение университета из Юрьева в Воронеж // Логос. 2005. № 6 (51). С. 253–268.
27. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 224.
28. Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 – февраль 1917 гг.): Дисс. канд. ист. наук. Томск, 1999. С. 102.
29. РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 530. Л. 5–8 об.
30. Грибовский М.Г. Материальный достаток профессоров и преподавателей университетов России в конце XIX – начале XX веков // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 76–80.
31. РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 338. Л. 131–132.
32. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1916. 3 июля. № 197. Ст. 1662.

References:

1. Ivanov A.E. Rossijskoe «uchenoe soslovie» v gody «Vtoroj Otechestvennoj vojny» (Ocherk grazhdanskoj psihologii i patrioticheskoj dejatel'nosti) // Voprosy istorii estestvoznanija i tehniki. 1999. № 2. S. 108–127.
2. Maurer T. Der Krieg der Professoren: Russische Antworten auf den deutschen Aufruf "An die Kulturwelt" // Jahrbuch für Wirtschafts Geschichte. 2004. № 1. S. 221–247; Kollegen – Kommilitonen – Kämpfer: Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von T. Maurer. Stuttgart, 2006.
3. Rostovcev E.A. Ispytanie patriotizmom. Professorskaja kolegija Petrogradskogo universiteta v gody Pervoj mirovoj vojny // Dialog so vremenem. Al'manah intelektual'noj istorii. 2009. Vyp. 29. S. 308–324.
4. Rostovcev E.A. Kazus professora fon Lista (jepizod iz universitetskoj istorii perioda Pervoj mirovoj vojny) // Uroki istorii – uroki istorika Sbornik statej k 80-letiju Ju. D. Margolisa. SPb., 2012. S. 308–315.
5. Fuks Je. Vlijanie vojny na mezhdunarodnye nauchnye svjazi // Nauka, tehnika i obshhestvo Rossii i Germanii vo vremja Pervoj mirovoj vojny. SPb., 2007. S. 94–113; Dmitriev A.N. Pervaja mirovaja vojna: universitetskie reformy i internacional'naja transformacija rossijskogo akademicheskogo soobshhestva // Nauka, tehnika i obshhestvo Rossii i Germanii vo vremja Pervoj mirovoj vojny. SPb, 2007. S. 236–255.
6. Rostovcev E.A. Mobilizacija intelekta: oborona strany ili nastuplenie korporacii? (Prepodavatel'skoe soobshhestvo Petrogradskogo universiteta v gody Pervoj mirovoj vojny) // Hronotop vojny: prostranstvo i vremja v kul'turnyh reprezentacijah social'nogo konflikta. M.; SPb., 2007. S. 191–194; Rostovcev E.A. Universitetskaja korporacija stolicy Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny // Otechestvennaja istorija: Sb. st. SPb., 2007. S. 72–117; Mihal'chenko S.I. Varshavskij universitet v gody Pervoj mirovoj i Grazhdanskoj vojny // Homo belli – chelovek vojny v mikroistorii i istorii povsednevnosti: Rossija i Evropa XVIII–XX vv. N. Novgorod, 2000. S.244–245.
7. Rostovcev E.A. Akademicheskaja korporacija Sankt-Peterburgskogo universiteta v nachale XX v.: otnoshenie k vlasti i grazhdanskomu obshhestvu // «Byt' russkim po duhu i evropejcem po obrazovaniju»: Universitety Rossijskoj imperii v obrazovatel'nom prostranstve Central'noj i Vostochnoj Evropy XVIII – nachala XX vv. M., 2009. S. 139–156.
8. Mramornov A.I. Saratovskij Imperatorskij universitet v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917 gody) // Izvestija Saratovskogo univ. 2009. T. 9. Ser. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Vyp. 1. S. 8–12.
9. Ivanov A.E. Otkliki Pervoj mirovoj vojny v vysshej shkole Rossijskoj Imperii // Nauka, tehnika i obshhestvo Rossii i Germanii vo vremja Pervoj mirovoj vojny. SPb., 2007. S. 207–220.
10. CGIAU. F. 385. Op. 2. D. 26. L. 61.
11. RGIA. F. 733. Op. 201. D. 501. L. 51
12. Bushueva L.A. Professorskaja korporacija Kazani v jepohu peremen: mezhlichnostnye kommunikacii universitetskih ljudej (nachalo XX veka) // Dialog so vremenem. 2011. Vyp. 36. S. 248–266.
13. Dmitriev A.N. Statusy znanija (o social'nyh markerah jevoljucii rossijskogo universiteta pervoj treti HH veka) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 4 (122).
14. Gribovskij M.V. Fenomen privat-docentury v rossijskih universitetah konca XIX – nachala XX vv. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. «Istorija i politicheskie nauki». 2012. № 2. S. 103–108.
15. Otchet o sostojanii i dejatel'nosti Petrogradskogo universiteta za 1914 g. Pg., 1915.
16. Otchet o sostojanii i dejatel'nosti Imperatorskogo Nikolaevskogo universiteta za 1914 god. Saratov, 1915. S. 17.
17. Ezhegodnik gazety «Rech'» na 1915 god. Pg., 1915. S. 242.
18. CGIAU. F. 274. Op. 1. D. 3318. L. 6 ob.
19. Rostovcev E.A. Stolichnaja professura i blagotvoritel'nost' v nachale XX v.: postanovka problemy // Vestnik Omskogo universiteta. 2012. № 1. S. 106–111.
20. Izvestija Imperatorskogo Nikolaevskogo universiteta. 1915. Vyp. 3.
21. Otchet o sostojanii lazareta Imp. Har'kovskogo univ. dlja ranenych voynov so dnja ego otkrytija 16 okt. 1914 po 1-e janv. 1915. [Har'kov], 1915.
22. Novoe Vremja. 6 avg. 1914 g.
23. CGIAM. F. 418. Op. 92. D. 746. L. 9.
24. GAOO. F. 42. Op. 35. D. 651. L. 12.
25. Malinovskij I.A. Vospominanija. Mashinopis'. B. g. // Muzej istorii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. F. I.A. Malinovskij.
26. Karpachev M. Peremeshhenie universiteta iz Jur'eva v Voronezh // Logos. 2005. № 6 (51). S. 253–268.
27. Ivanov A.E. Vysshaja shkola Rossii v konce XIX – nachale XX veka. M., 1991. S. 224.
28. Nekrylov S.A. Professorsko-prepodavatel'skij korpus Imperatorskogo Tomskogo universiteta (1888 – fevral' 1917 gg.): Diss. kand. ist. nauk. Tomsk, 1999. S. 102.
29. RGIA. F. 733. Op. 155. D. 530. L. 5–8 ob.
30. Gribovskij M.G. Material'nyj dostatok profesorov i prepodavatelej universitetov Rossii v konce XIX – nachale XX vekov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 349. S. 76–80.
31. RGIA. F. 733. Op. 156. D. 338. L. 131–132.
32. Sobranie zakonov i rasporjazhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvujushhem Senate. 1916. 3 ijulja. № 197. St. 1662.

УДК 94(47).083

Преподавательская корпорация российских университетов в условиях Первой мировой войны: особенности повседневности и коллективных взаимоотношений

¹ Михаил Викторович Грибовский

² Александр Николаевич Сорокин

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: mgrib@mail2000.ru

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Российская Федерация
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: salexhist@mail2000.ru

Аннотация. В статье раскрывается проблема коллективных взаимоотношений внутри российской университетской преподавательской корпорации в условиях Первой мировой войны. Рассматриваются реакция на начало войны, особенности материально-бытового положения профессоров и преподавателей российских университетов в военный предреволюционный период.

Ключевые слова: Первая мировая война; университеты; профессорско-преподавательский корпус; общественно-политические настроения; благотворительность; эвакуация.